

Владимир Симаков

РАЗДУМЬЯ

Стихи и проза

Владимир Симаков

Раздумья. Стихи и проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28265403

ISBN 9785449011053

Аннотация

Большая часть предлагаемых стихов написана после 1990 года. Пьеса «Забывтый миф» рассказывает о долгожителях одной из религий. Сказка в стихах «Средний сын» – о человеке, переоценившем свои возможности.

Содержание

С Т И Х И	8
Память	8
Как, взявшись за перо, избежать суесловья?	10
...	
Городу	11
Вновь пришла зима в город снегопадом...	12
Говорим уже много лет...	13
Граммы хлеба уже не делили...	14
Шекспир двадцатым веком превзойден...	15
Сколько лет мы строили новь...	17
Солдата делает присяга...	19
И вновь колеблются знамена...	21
Бессмертному полку	23
Дорожные стихи	24
Над земными напастями, водами, пашнями...	25
У дороги, пропахшей бензином...	26
Ропша	27
К*** (Торжок, Прутень)	29
После дуэли	30
Тригорское	31
Константиново	33
Тарханы	35
Появляется он как посланник небесный...	36

Крым	37
Я увидел его над горою...	38
Тропа по самому хребту...	39
Отбросив наряды, заботы и прочее...	40
Читала женщина стихи...	41
Утес	42
Клин	43
Норвегия	45
О любви	47
Не дождалась. Записки не оставила...	48
Уходит друг – к знакомому явлюсь...	49
Кому-то я дарил сирень...	50
Спасибо, что пришел. Бери стакан...	52
Любви единственный цветок...	53
У памятника жене моряка	54
Перед экраном	56
Ты улыбнулась одному...	59
А вы встречались с мадоннами?...	61
Художник не создал портрет твой...	63
Все было ожиданием полно...	65
Ушла туда, откуда нет возврата...	67
Я не сержусь, что та любовь жива...	68
Школьные стихи	69
За годом год спешит тревожно...	70
Выпускникам	71
Крылья	73

Новогодние стихи	75
Снова на Землю идет Новый год...	77
Спасибо вам, люди, за встречи...	78
Последний день в году не замечают...	79
Не радоваться вроде бы грешно...	80
Поздравления	81
Избегая поклонов и елейных шаблонов...	82
Все женщины – принцессы от рожденья...	83
Чего хочет женщина...	84
Праздник единственный, где тостование...	85
Какими вы были, сегодня неведомо...	86
На наших глазах семья родилась...	87
С повзрослением, внук...	88
Я не пишу стихов о доброте...	90
Гимн России	92
П Р О З А	94
Береза	94
Луна	95
Тополенок	96
Листопад	97
Художник	98
В музее	99
Храм	100
Стекло	101
Страница	102
Запятая	103

Пепельница	104
Ваза	105
Портрет	107
ЗАБЫТЫЙ МИФ	109
Картина I	110
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Раздумья Стихи и проза

Владимир Симаков

Редактор А. В. Симаков

© Владимир Симаков, 2018

ISBN 978-5-4490-1105-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТИХИ

Память

Что есть история? Где правда в ней? Где ложь?
Ответить на загадку эту сложно...
Во все века на правду точат нож,
И кривда истиной зовется непреложной.

Какие подвиги, искания и муки
Достались людям в оны времена?
Нет очевидцев. Летописи глухи.
На саркофагах сбиты имена.

Кто славы удостоился по праву,
И кто ее бессовестно украл?
Кто укреплял трудом своим державу,
А кто ее бездарно разорял?

Вопросов много. Всех не перечтешь...
Ответов мало, половина – ложных.
Что есть история? Где истина? Где ложь?
Ответить на вопрос сей невозможно.

Как, взявшись за перо, избегнуть суесловья?...

Как, взявшись за перо, избежать суесловья?

Как правду донести до внуков и детей?

И веру – верую назвать, любовь – любовью

И заблуждением – надежды прошлых дней?

Как рассказать, что с нашею державой

Нам испытать и видеть привелось,

Чтоб слово наше истиной дышало,

Не толковалось каждым вкривь и вкось?

В стихах и прозе помнить бы о главном:

Не сеять в душах смуту и войну,

Чтоб ведали потомки православных

Цветущую и мирную страну...

Городу

Рожденный в дни стремлений и свершений
Крещен в купели невской град Петров.
Он возведен трудами поколений,
Талантами великих мастеров.

Деянья их не смыть годам и водам,
И наша доля – Петербург хранить
Как символ единения народов
И как времен связующую нить.

Над ним не властны грозные стихии.
Он мужество явил планете всей!
Окном в Европу ставший для России,
Окном в Россию стал он для друзей.

Нева устремлена к морским просторам,
А город – в ожидаемую новь.
Ему благословеньем и опорой —
Народа-созидателя любовь.

Вновь пришла зима в город снегопадом...

Вновь пришла зима в город снегопадом,
Зазвучал рояль где-то в доме рядом,
И вернулась память к горьким дням блокады
В город, что врагами не был побежден.
Но кругом рвались бомбы и снаряды,
Зал концертный стал для солдат палатой:
Пианист играл раненым анданте
И своей игрою заглушал их стон.

И внимал роялю город осажденный,
Изможденный голодом, но непокоренный.
Музыка плыла молитвой затаенной
Обо всех, кто голодом и в бою убит.
Но под эти звуки возникали тени,
Тех, кто отдавли городу свой гений,
И вселяли веру: «В новых поколениях
Подвиг ленинградцев будет не забыт!»

Говорим уже много лет...

Говорим уже много лет:
Мы – не дети войны, нет!
Порожденье войны – сиротство,
Инвалидность или уродство.

И блокадный голод, и горе,
И угасшая жизнь во взоре,
Города, обращенные в прах,
И в душе затаившийся страх.

У детей какие грехи?
Мы растем войне вопреки!
Дети – это звенящий смех,
Дети – это летящий бег,

Дети – это жизни цветы,
Продолжение дел и мечты!
В честь какой же нашей вины
Нас считают детьми войны?

Граммы хлеба уже не делили...

Граммы хлеба уже не делили:
Слишком мал был дневной паёк...
Таковы блокадные были —
Смерть и голод пришли на порог.

Истощенные до предела
И продрогшие до костей,
Не имея ни сил, ни тела,
Непохожие на людей,

Как огарки свечей угасая,
Вы лишь веру в себе несли.
Этой верой себя спасая,
Город свой для мира спасли.

Шекспир двадцатым веком превзойден...

Шекспир двадцатым веком превзойден
Количеством и жертв, и преступлений.
Но классик прав: прервется нить времен,
Когда исчезнет память поколений.

Цветы раз в год несем к могилам мы,
Где Родина окаменела в горе,
Где полегли безмолвные холмы,
Где даты возвращают нас в историю,

Где безымянным имя – миллион.
Отдавшим жизни на алтарь Победы...
Но нет могил и в памяти – имен,
Кто городом блокадным жил и ведал.

Вернуть бы площадям их имена,
Освободить из-под архивной пыли.
Любая городская сторона.
Их помнит... Как же люди позабыли?

...С забвением достойнейших имен
Удастся ль сохранить нам связь времен?

Сколько лет мы строили новь...

Сколько лет мы строили новь,
Всей планете служа примером,
Но погрязли в трясине слов
И утратили цель и веру.

Я стою у груды камней,
Что фундаментом дому были:
Из него в одну из ночей,
Деда на расстрел уводили.

Очевидцев поздно кричать,
Нет ни стен, ни вдовьих стенаний.
Ну а камни привыкли молчать
И не любят воспоминаний.

Кто их любит? Кому нужна
Боль из века, что нами прожит,
Где огромнейшая страна
Шла к свободе по бездорожью?

Были взлеты, падения, стон,
Отдавались жизни и силы...
Мы зажгли жертвам вечный огонь...

Но огонь своих душ погасили.

Солдата делает присяга...

Солдата делает присяга
В строю, у полкового стяга,
Защитником своей державы,
Ее спокойствия и славы.
Но карта Родины печальна,
Когда становится игральной,
Когда меняют гербы, флаги,
Слова заветные присяги,

Где дань междоусобной брани —
Солдат-изгой, солдат – изгнанник.
На поле боя не убитый,
Во власть пришедшими забытый,
Бесправный, он везде обуза —
У прибалтийцев, у французов,
Сам должен пред собой виниться,
Что оказался за границей,

Что мыкался в Архипелаге
За верность воинской присяге
И ожидал бесславной смерти,
Российский флаг держа в Бизерте...

Остался в прошлом век двадцатый,
Но и сейчас нужны солдаты,
И та же истина важна:
Солдату Родина нужна,
Где не меняют гербы, флаги.
Где все верны одной присяге,
Лишь раз произнесенной в жизни
На верность долгу и Отчизне.

И вновь колеблются знамена...

И вновь колеблются знамена
Подобно вечному огню
Над сединою опаленной
Солдат, прошедших ту войну.

Забытые и награжденные,
Они уходят в тишине,
Добытой ими с миллионами,
Оставшихся на той войне.
Мы снова зажигаем свечи
И различаем сквозь года
В дыму освенцимские печи,
Разрушенные города,

Команды слышим инородные,
Разрывы падающих бомб,
Безмолвье города голодного
И безучастный метроном.
Дела тех лет хранят архивы,
Не сохранив душевных ран.
Спят безымянные могилы.
Густеет в памяти туман.

И только сполохи салютные
Напоминают раз в году
Победу нашу многотрудную
И всенародную беду.

Бессмертному полку

Они глядят пытливо с фотографий,
И нас не донимают укоризнами,
Не требуют ни слез, ни эпитафий,
Давно поправши смерть своими жизнями.

Ушедших безымянными в бессмертье,
Погибших и пропавших ищем мы,
И заполняем наше долголетье,
Годами, что у них похищены.

Мы помним и не предадим анналам,
Их, спасших от фашизма сущее...
И память пусть послужит пьедесталом
И славе прошлого, и подвигам грядущего...

Дорожные стихи

Дорога – вот где вечное движение:
Кто обгоняет, кто навстречу мчит...
Велосипед – не «Лада», тем не менее
Он подо мной послушно колесит.

Я мог бы беззаботно сесть на поезд,
В купейный или общий взяв билет,
Но, по-солдатски флягу вдев на пояс,
Рюкзак набив, я взял велосипед.

Я мог бы на автобусе плыть в дали,
На остановках выбегать в буфет,
Соседей беспокоить: «Скоро Таллин?»
Но я... я предпочел велосипед.

Он не подвел, он выдержал дорогу,
Бесшумно и безропотно бежал...
Когда ж я отдыхал, его не трогал,
Металл звенел. Мне думалось – стонал.

Над земными напастями, водами, пашнями...

Над земными напастями, водами, пашнями,
Осеня собою восход и закат,
Словно слово к живущим из века вчерашнего
Белоснежные храмы над Русью парят.

Ни ветрам не качнуть, ни снегам не засыпать их,
Временам не разрушить – стоят на века!
И ни жалоб, ни стона из камня не выпытать.
Враг у древних один – человечья рука..

Стерлось в памяти суетной их назначение,
И лишённые веры – не радуют взор:
Под склады приспособлены их помещения,
И на месте ограды – убогий забор..

Разрушается то, что с любовью содеяно,
И без света тех храмов суровеет даль.
Так на поле, что добрым зерном не засеяно,
Прорастают привольно сорняк и печаль.

У дороги, пропахшей бензином...

У дороги, пропахшей бензином,
Увядает букет жасминный...
Преднамеренно или оплошно
На обочину был он брошен?

Источая нежность и жалость,
Он глядит в небесную ясь.
Чья же встреча не состоялась?
Чья надежда оборвалась?

Ропша

Сюда царь пришел, подписав отречение —
Неординарный акт...
Третий век дворец в небрежении,
В запустении парк.

Здесь искал он отдохновений,
Радужных снов поутру,..
Другим предоставив славу свершений
И каждодневный труд.

Надо ль по этому поводу сетовать?
Что нам давняя смерть?
Мало высокое званье наследовать —
На высоту надо сметь..

Век этот делал Россию державою,
Требовал рук и творцов,
В память вошел он воинской славою,
Громадами новых дворцов.

Но разве тот, кто сошел на обочину,
К смерти приговорен?
И почему до сих пор опорочен он

Судом новейших времен?

Разве не требует уважения
Ушедший от власти и благ?
Третий век дворец в небрежении,
В запустении парк...

К*** (Торжок, Прутьень)

Она и не знала, когда его встретила,
Что эта минута ее обессмертила,
Что жизнь ее рядом с великой поставлена,
И будет в потомстве навечно прославлена
Не красотой, что в юности славилась,
Не царским вниманием, коим тщеславилась,
Не мемуарами, очень негромкими
И не талантливými потомками...
Не долгою жизнью, а только мгновением,
Сведшим ее с современником Гением.

После дуэли

Ей двадцать пять, и уж она – вдова.
И боль такая, что милей могила.
И на века – винящая молва,
Что лишь она поэта погубила.

А он одно желал и не таил,
К барьеру ставя ловеласа светского,
Чтоб о его мадонне – Натали —
Нигде не говорили слова дерзкого.

За что же будем мы ее винить?
И разве воля Пушкина не свята?
Поэт сказал, и нам не изменить:
«Мой ангел, ты ни в чем не виновата.»

Тригорское

Он жизнь ей спас. Чем отплатить?
Какой ценою?

Она могла лишь тень дарить
Да сок весною,

И ожидать из года в год
С ним встречи,
Надеяться, что вновь придет
Он в летний вечер...

И будут барышни опять
В него влюбляться,
Ну а она – свое шептать
И любоваться.

Хотела очень, чтобы он
Жил рядом где-то —
Не дождалась: могильный сон
Объял поэта...

Наедине с самой собой
Страшной потеря.
Никто не мерил ее боль,

Слезам не верил.

И что березе чья-то смерть?

Какое дело?

Ей не дано, как нам, скорбеть.

Она сгорела.

Константиново

Он все сказал. Добавить что ж?
Он понял жизнь и видел землю.
Прощался, гробовую дрожь
Как ласку новую приемля.

Но почему же в тридцать лет?
Ведь за спиною только юность!
И сам же нахожу ответ:
Болезненная бесприютность,

И всероссийская печаль,
И неустроенность земная...
Но впереди такая даль
И слава звонкая, шальная...

Ему бы петь! Ему бы жить!
И сам не верю в упрощенность:
Он весь – распахнутость души
И той души незащищенность...

Ни постареть, ни поседеть
Он не успел, уйдя так рано,
Оставив память в нас болеть

Незаживающей раной.

Тарханы

Рядом с церковью, в усыпальнице,
На безмолвье поэт обречен.
Здесь нам есть о ком попечалиться,
Есть подумать о чем.

Здесь укором тучки небесные
Скорбь и слезы несут чередой,
О судьбе поэта известного
Говорит звезда со звездой...

Нам бы следовало прислушаться:
О России ведется речь,
Где не можем при всем могуществе
Мы таланты беречь.

Появляется он как посланник небесный...

Появляется он как посланник небесный,
Согревая сердца и прельщая умы,
Наполняя эфир своим словом и песней,
И призывом набатным ко свету из тьмы.

Из юдоли земной он уходит до срока,
Равнодушье людей не сумев побороть:
Не внимают земляне поэтам-пророкам,
Даже если их словом глаголит господь.

Умирает поэт. Что осталось неспетым?
Что, увидевший мир, не успел он сказать?
Но из звездных глубин не получишь ответа —
Тонут в далях космических все голоса.

И причастные к смерти не ждут оправдания:
Осознание вины замыкает уста...
Только строки поэта исповедальные
Приходящие в мир продолжают листать.

Крым

Ах, дорога-дорога. Куда ты ведешь,
Обнимая вершины, в ущелья спускаясь,
Извиваясь, горбаться, за склоны цепляясь
И бросая нас влево, и вправо, и в дрожь.

То в напряге мотор, то скрипят тормоза...
Сквозь шумы нахожу объясненье простое:
Хороши безопасность и прямизна,
Только дорого стоят. Очень дорого стоят.

Я увидел его над горою...

Я увидел его над горою —
Старика с седой бородою,
И пошел, повинувась взгляду,
Ожидая истин в награду,

Что мудрец собирал веками...
Но, приблизясь, увидел камни,
Что лежали на крае скалы,
Словно истины тяжелы.

Тропа по самому хребту...

Тропа по самому хребту
Ведет все выше, все отвесней,
И омывают душу тут
Простор морской, простор небесный.

Встречай и солнце, и грозу —
На все здесь можно замахнуться!
А люди вроде бы внизу,
Но вот до них не дотянуться...

Отбросив наряды, заботы и прочее...

Отбросив наряды, заботы и прочее
Девчонки-наяды, купаясь, хохочут.
Им ласково море о чем-то бормочет,
И солнце – в дозоре (девчонки хохочут)
Поселок курортный от радости блещет:
Ведь смех беззаботный так редок у женщин.

Читала женщина стихи...

Читала женщина стихи
Над морем тихим, полусонным,
Под небом звездным и бездонным,
Для нас, безмолвных, приземленных
Читала женщина стихи.
Слова, как птиц в ночной полет,
Она, волнуясь, отпускала...
И море ей волноплескало,
И звезды слушали ее.
Своей любовью облекла
Чужие страсти и стремленья,
Как собственные откровенья
Нам в этот вечер отдала.
Но каждый прозвучавший стих
Внимавших чтению печалил:
Миры, что в небесах мерцали
И чьи-то души освещали,
Ей были ближе нас, земных

*****.

Утес

Его поманило море
Иль ветер далеких странствий —
И он шагнул с Карадага,
На плечи вскинув мешок.
Но оглянувшись на горы,
Оставленные бесстрастно,
Не сделал второго шага
И двинуться дальше не смог.

Вернуться ли вновь в ущелья,
Где все знакомые камни?
Шагами ли море пенить,
Не ведая прежних уз?
Замер утес-отшельник
Меж далями и берегами:
Давят его сомненья
И несвершенностей груз...

Клин

Я возвращаюсь заново
Памятью в парк Майданово:
Сосны – трубы органные —
Лишь исполнителя ждут.
В сонных прудах лесничества
Лебеди будто владychествуют,
Медленно, как приличествует,
Друг за другом плывут.

В этой глуши таинственной,
В этом углу хвойно-лиственном
Я открываю истину
(Прямых доказательств нет):
Здесь пришло озарение,
Здесь пришло вдохновение,
Произошло сотворение —
И родился балет.

А я, оказавшись в идиллии,
Тебя прозреваю с крыльями...
Кто ты? Одетта? Одилия
В моем зачарованном сне?
Вспоминанье колючее

Иву рисует плакучую...

Для встреч новых не было случая —

Греза осталась во мне.

Норвегия

Тролльхаген переполнен тишиной,
Сияет небо, озеро зеркально,
И у скалы, где он нашел покой,
Мы замерли понуро и печально.

Луч солнца на скалу бросает блик,
Разглаживает скальные морщины
И, тень ветвей убрав, как паутину,
Являет перед нами имя «Григ».

И тут же изгоняется печаль
Набатов а-минорного аккорда —
Перед глазами возникает даль
С легендами бесчисленных фиордов,

С простором зеленеющих долин
И шумом водопадов быстротечных,
С загадками задумчивых вершин,
Звучащими в концертном зале «Вечность».

Сроднились звуки с синевою небес,
Отринув наше бренное, земное.
Безмолвие владычествует здесь,

И музыка плывет над тишиною.

О любви

В другой найдя твои черты,
Я вздрогну, словно от ожога,
И непонятною тревогой
Из прошлого возникнешь ты.

Зачем расставшимся давно
Друг к другу снова возвращаться?
В тебе единственной ли счастье?
И если нет, то где оно?

Ах эти схожие черты,
Тревожащие память лица...
Как ненароком сжечь сады,
Где прошлое мое хранится?

Не дождалась. Записки не оставила...

Не дождалась. Записки не оставила.

Исчезла вдруг, не плача, не грозя.

«Все к лучшему»,. – припоминаю правило.

«Все к лучшему», – сочувствуют друзья.

Все выпивают и уходят к женщинам.

Лишь одиночество расселось по углам.

И жизнь моя, как негатив засвеченный...

Все к худшему, коль женщина ушла.

Уходит друг – к знакомому явлюсь...

Уходит друг – к знакомому явлюсь.
Бутылку взял – и ты везде желанен.
За разговором медленно упьюсь,
А утром – на работу... птицей ранней.

Любимая ушла – не пропаду.
Найду подругу, было бы желанье.
Любовь до гроба нынче не в ходу,
И времени в обрез – не до страданий.

И лишь тебе одной замены нет.
Перед тобой единственной – в поклоне.
Уедешь – звук уйдет, поблекнет свет,
Безлюдье в городе, и улицы в разломе.

Кому-то я дарил сирень...

Кому-то я дарил сирень,
Кому-то – розы.
Когда же думать было лень,
Я нес мимозы.

Но у цветов немного сил,
И чахли грезы:
Я чью-то радость уносил,
Оставля слезы.

А та, что приходила в снах
Как наважденье,
Сама была уже весна,
Сама – цветенье.

Лесов осенних нагота,
Паденье листьев
Напоминают неспроста
Тьму низких истин.

И в сердце оседает грусть,
И годы тают...
Но я за жизнь еще держусь,

Ее встречая.

Спасибо, что пришел. Бери стакан...

Спасибо, что пришел. Бери стакан...
Без повода... Есть деньги, есть желанье.
Не так уж часты наши возлиянья,
Да и к тому ж давно я не был пьян,
И не намерен соблюдать я пост...
Вот разве что придумать надо тост.

Хотя ты прав: не надо громких слов...
В нас поселились мненья и сомненья.
И тосту подобает вдохновенье,
А эту радость дарит нам любовь.
Любовью в сорок можно насмешить...
Давай уж лучше так, без тостов пить.

Нет, не могу... я жду... не первый год...
Тебе я говорил о ней, конечно...
Да, молода, прекрасна и беспечна...
Не обещала... Если же зайдет?

Она мне трезвому пожизненно нужна!
...Опять бутылку выпили до дна?

Любви единственный цветок...

Любви единственный цветок
Не увядает и не тонет —
Мой талисман в грязи дорог,
Моя звезда на небосклоне.

Прости, что я тебя люблю,
Хотя Луны я не достану,
Гор золотых не накоплю...
Но и любить не перестану.

У памятника жене моряка

Волна, разбежавшись, разбилась о скалы.
К кому она мчалась? Кого здесь искала?
Кому и какую несла она весть?
Не ради ж того, чтоб рассыпаться здесь.

Ее удержать бы, ее расспросить бы,
Ни капли сквозь пальцы не упустить бы...
Но вот она к берегу мчится опять:
Ей хочется важное что-то сказать.

Устав от метаний и дальней дороги,
Застывшей скульптуре бросается в ноги:
Ее о прощении ли умоляет?
Ответа ли ждет или что сообщает?

О том, кто остался в пучине морской?
О том ли, кто выжил, спасенный волной
И ныне устроился как-то и где-то,
Довольствуясь жизнью в другом конце света?

Волна набегаёт, волна отступает,
В печали застывшая не отвечает.
Она слишком долго ждала и скорбела

И в ожидании окаменела,

И годы ушли, и надежды поблекли,

И очи, искавшие парус, ослепли,

Волна слишком поздно нашла этот берег.

Ей камни внимают и люди не верят.

Перед экраном

Берег прикрыт тишиной,
Вечерние дали туманны,
Почти незаметен прибой,
Мы снова с тобой на экранах...

Не надо ни ехать, ни плыть,
Пересекать океаны:
Мы можем с тобой говорить,
Нас не закрывают туманы.

И мы говорим, говорим,
Как оба друг другу желанны...
Но клавиши легкий нажим —
И мы исчезаем с экранов.

И взглядом тебя не достать,
Рукою тебя не коснуться.
А звезды ночами не спят,
Чтоб в водах морских захлебнуться.

Волна бежит за волной,
Чтоб к берегу приласкаться,
Хотя бы единой слезой

На камне безмолвном остаться.

А где-то плывут корабли,
И где-то летят самолеты.
Чтоб люди обняться могли
И сверить часы и заботы

А что же у нас впереди?
И вправду ль друг другу нужны мы?
Мне сердце упрямо твердит,
Что наши слова легче дыма.

Наверное, я не права,
Меня одолели капризы.
Твои вспоминаю слова —
Но это не вызов, не виза.

Все чаще безмолвен экран,
Все менее переговоров...
Меж нами – воды океан,
Равнины, границы и горы.

У моря стою я одна.
Безлюдье на побережье.
Луна за туманом чуть брезжит.
Вздыхает о чем-то волна.

Ты улыбнулась одному...

Ты улыбнулась одному —
Попала в многолюдство...
Не знаю, право, как кому,
Мне почему-то грустно.

В казарме нашей на стене
Измята и распята,
Ты улыбаешься и мне,
И всем другим солдатам.

Смеешься в нашу круговерть,
В бессмысленные речи,
Но взгляды и слова, как плеть,
Секут нагие плечи.

И каждый новый взгляд, как гвоздь,
Твое пронзает тело...
Прости, но у меня вопрос:
Того ли ты хотела?

Соединиться со стеной?
Держаться лентой липкой?
Или портрету все равно,

Кого одаривать улыбкой?

А вы встречались с мадоннами?...

А вы встречались с мадоннами?

Глаза – озера бездонные?

Зрачками сияют иконными,

Страсти сулят бессонные.

В такие глаза влюбляются

Навечно, как в собственность,

Под взглядом их отрекаются

От связей служебных и родственных.

Возле них вдохновляются

Даже мужи инертные

Возле них зарождаются

Стихи и картины бессмертные.

А им бы не восхищение,

Не гимны, не преклонение...

Им бы – чуть-чуть стремления,

Им бы – чуть-чуть сомнения,

Где-то – истины спорные,

Где-то – годы заботные...

Иначе глубины озерные

Затянет ряска болотная.

Художник не создал портрет твой...

Художник не создал портрет твой
И нам не пересказал,
Каким обжигающим светом
Пылают твои глаза

Увы, ты не фотогенична
И в жизни иная совсем,
И снимок твой самый приличный
Окажется хладен и нем.

И нет твоего изваянья...
Откуда возьмешь мастерство,
Чтоб было в скульптуре дыханье,
Паренье и озорство?

Ты в дочери не повторилась,
Отдав красоту ей и стать:
На свете нет генов и силы,
Чтоб тонкости все воссоздать.

Твоя красота совершенна,
Ее пребыванье мгновенно,
Как молния среди туч...

И я уловил ее луч.

Все было ожиданием полно...

Все было ожиданием полно:
Столпились стены комнаты в прихожей,
Над переулком свесилось окно,
Шкаф платяной привстал на тонких ножках.

Она должна придти! Она придет!
Довольно разговоров телефонных!
Сник аппарат, уволен от забот,
Никто и не смотрел на пустозвона.

И вдруг он зазвонил... но в первый миг
Ему никто в квартире не поверил.
И я сначала устремился к двери,
А он звонил, звонил, срываясь в крик.

Из отдаленья голос: «Не приду...»
Короткие гудки, затем безмолвье...
Вино в стакане отливало кровью
И заливало горло и беду.

И стены не могли на место встать...
Бутылка о стакан со всхлипом билась.
Наверное, исчезла суета...

Возможно, жизнь моя остановилась...

Ушла туда, откуда нет возврата...

Ушла туда, откуда нет возврата.
Остались лишь фиалки на окне,
С которыми любила ты когда-то
Беседовать о грустном в тишине.

Они цвели, твоим согреты взглядом,
Смягчая одиночество и быт...
Цветам осиротевшим много ль надо?
Лишь память тех, кто ими дорожит.

Молва меня с другою повенчала,
Другая ждет простых и нежных слов,
Что для тебя когда-то отзвучали
И искренними быть не могут вновь.

Года уходят, унося печали...
Украдкой гляжу на твой портрет —
В ответном взгляде укоризны нет.
Фиалки, правда, на окне завяли...

Я не сержусь, что та любовь жива...

Я не сержусь, что та любовь жива,
Что в жизни сердцу твоему досталась,
И в памяти звучат еще слова,
Что лишь тебе любимым посвящались.

Что ты за годы свыклась с пустотой,
Измучена безвременной потерей,
Погружена в унынье и безверье —
Рассветный луч не спорит с темнотой.

Но время распогодит твою грусть,
И радость бытия к тебе вернется,
И сердце снова к свету обернется...
Я не сержусь... И я тебя дождусь.

Школьные стихи

Всему находят люди имена
И часто эти имена меняют.
Не так давно была одна страна —
Теперь ее иначе называют.

Не так давно и школа лишь была —
Теперь повсюду колледжи, лицеи.
Естественно, что суть у всех одна:
Названия меняя, не умнеют.

Но как бы школу ни назвать, друзья,
Какое бы ни выдумать прикрытье,
Убрать нельзя и заменить нельзя
Того, кто именуется «учитель».

За годом год спешит тревожно...

За годом год спешит тревожно,
И наступает юбилей.
Поздравить школу нам несложно —
Куда трудней работать в ней.

Выпускникам

Сегодня из беспечных,
Привычных школьных дней
Вы в юность быстротечную
Шагнете из дверей.

Отныне все решенья
Вам предстоит искать
И жизнь, как сочиненье,
Вам начисто писать.

И века не обманете,
Ошибок не прикроют:
Какими сами станете,
Такой России быть.

В далекую дорогу
Уходите сейчас,
Оставив нам тревогу
За каждого из вас.

Не разглядеть с порога,
Где солнце, где ненастье...
Счастливой вам дороги

Среди земных напастей!

Крылья

Икару крылья подарил отец,
И парень смело в небо устремился...
По слухам, в море он нашел конец,
По слухам, о земную твердь разбился.

Прошли эпохи между войн и дел.
Века веками сеяли неправду:
На Крите видели, как человек взлетел —
Никто нигде не видел, как он падал.

Парящему ль земная суета,
Где нужно вечно с притяженьем биться?
Однажды научившийся летать,
Он никогда уже не приземлится.

Летит Икар в пространстве и в веках,
Пронизывая мысль мечтой и светом.
А кто-то вслед глядит за облака
И старт дает космическим ракетам.

Чтоб жизнь была мудрее и светлей,
Чтобы мечтам сопутствовали были,
Пусть женщины рожают сыновей,

Пускай отцы мальчишкам дарят крылья!

Новогодние стихи

Чудеснейшая ночь! Хозяйкой в каждый дом
Приходит, ожидаема заранее...

И это – на любом (ведь правда – на любом?)

И даже нулевом меридиане.

Счастливейшая ночь! Все бросим на потом

Закружимся и в вальсах, и в мечтаньях...

Единственная ночь, когда мы сказок ждем

И верим безусловно предсказаниям.

Введет в наш теплый дом курантов перезвон

Всех тех, кому любезнее скитанья.

А если гости в дом, то наша радость в том,

Что встреч на свете больше расставаний.

Печальнейшая ночь... Мы многих не зовем:

Они теснятся лишь в воспоминаньях...

И это – на любом, и даже – нулевом,

И даже – никаком меридиане.

Безумнейшая ночь! За праздничным столом

Сопутствуют всем тостам возлиянья.

Стремимся в Новый Год мы сердцем и умом

Кто в транспорте, кто леж на диване.

Бессоннейшая ночь! Петард ненужный гром

Пугает наших грез очарованье.

Торжественная ночь – вся в звездах за окном

Со звездами на голубом экране.
Желаннейшая ночь, когда приходят в дом
Тепло любви и радость пониманья...
Волшебнейшая ночь! И это – на любом,
Поверьте: на любом меридиане...

Снова на Землю идет Новый год...

Снова на Землю идет Новый год!
Что он отъемлет и что принесет?
Рано подсчитывать, рано гадать...
В дни новогодние лучше гулять!
Новый, пришедший, не сможет лишить
Нас ни надежд, ни стремления жить!

Спасибо вам, люди, за встречи...

Спасибо вам, люди, за встречи,
Где я – то хозяин, то – гость,
Где рвутся слова, льются речи,
Где шуткой смягчается злость.

Спасибо вам, люди, за встречи,
Что радость общенья дают,
Что душу обидой калечат,
Что жить безоглядно зовут...

Есть грань, за которую – вечность:
Она в измереньях иных...
Спасибо вам, люди, за встречи
На наших дорогах земных!

Последний день в году не замечают...

Последний день в году не замечают:
Еще с утра из мыслей изгнан прочь,
Уже с утра все ожидают ночь
И Новый год, и новый день встречают.
Последнему никто уже не вверит
Ни радость, ни надежду, ни беду...
Последний самый никого не греет.
Печально быть последним днем в году.

Не радоваться вроде бы грешно...

Не радоваться вроде бы грешно —
Приходит Новый год, и все мы рады.
Но веселиться тоже не смешно.
Скончался год – задуматься бы надо.

Из жизни выпал год – не день, не час.
А сколько их дарует нам природа?
И мы легко хороним год за годом,
Пока они не похоронят нас.

Поздравления

Еще повсюду снега глыбы,
Но пахнет все-таки весной...
Ваш день плывет под знаком Рыбы —
Не обольщайтесь же блесной,

Чтобы крючком не поперхнуться,
Чтобы вином не захлебнуться,
В аквариуме не пропасть,
В уху под праздник не попасть,

Не стать служанкою Емели
(пусть изнывает от безделья).
Позвольте тост за вас поднять
И от души вам пожелать

Свободными быть для капризов,
Живущими с открытой визой,
Готовыми лететь и плыть...
Короче: женщинами быть!

Избегая поклонов и елейных шаблонов...

Избегая поклонов и елейных шаблонов,
Мы для вас праздник вам сотворим:
Окружим вас вниманием, стол накроем заранее
И не раз в этот день повторим:

«Пусть исчезнут все заботы,
Пусть цветет для вас сирень,
Станет радостью работа,
Песней – каждый день!

Пусть вас беды обходят, и друзья к вам приходят,
Пусть исполнятся в каждой судьбе
И богаче, и краше все желания ваши,
Те, что вы нагадали себе!

Пусть стремленья будут выше,
Чтоб не стать постылою,
Чтобы ежедневно слышать:
«С добрым утром, милая!»

Все женщины – принцессы от рождения...

Все женщины – принцессы от рождения
(убеждена я в этом с малых лет),
Но наши кавалеры, к сожаленью,
Не разделяют это мненье, нет!

Все женщины о счастье тоскуют,
Ради него готовы умереть...
Как жаль, что эту истину простую
Никак мужчинам не уразуметь.

А потому и радость неумелая,
В восторгах – обязательная боль.
Принцесса может стать и королевою,
Но надо, чтоб ее избрал король.

А это счастье в сказках лишь бывает,
Или приходит в редкостные сны.
Вот женщины и сами забывают,
Что рождены принцессами они.

Чего хочет женщина...

Чего хочет женщина... – словно урок
Твердим, как отцами завещано.
А что она хочет – не ведает бог,
Поскольку не знает и женщина.

Непостоянство желаний – вина?
Но что постоянно на свете,
Не могут ответствовать племена
За многие тысячелетья.

К далекому морю стремится река,
И это стремленье извечно,
Хотя утверждают ее берега,
Что воды реки переменчивы.

Сама себе право, мораль и закон,
Непостоянством увенчана,
Проходит вне времени и языков
Любовь наша вечная – женщина.

Праздник единственный, где тостование...

Праздник единственный, где тостованье
Жены прощают мужьям в опьянении.
Мы ж преисполнены добрым желаньем
Быть в этот праздник у жен в подчинении..

Ясно, что в праздники не до суждений,
Важно во всем угодить вкусам дамским,
И позабыть в этот день свои мненья,
И затопить милых женщин в шампанском.

Какими вы были, сегодня неведомо...

Какими вы были, сегодня неведомо:
Остались немногие ваши портреты,
И глядя на них, очень искренно веруем —
Вы счастливы были когда-то и где-то.

Теперь нас испортила цивилизация,
Теперь наши женщины – эмансипе.
На ваши заботы мы смотрим сквозь пальцы,
И то нам становится не по себе.

Но праздник – не время для экскурсов в прошлое,
Быть может, и страхи за вас только мнимые?
Так выпьем за ваше здоровье, хорошие,
За ваше терпение, наши любимые!

Не надо завидовать предкам уснувшим!
Какие бы грозы на вас ни катили,
Какие бы беды судьба ни обрушила,
У вас преимущество: вы – в коллективе...

На наших глазах семья родилась...

На наших глазах семья родилась.
Совет да любовь! – скажут люди не раз.
С советами станут в семью вашу лезть,
И будут в советах и зависть, и лесть.
Советы возможны, резонны, обманны,
Иные конкретны, иные туманны.
Советы хороших людей и не очень,
И данные вскользь, между дел, между прочим...
Семья строит дом. Этот дом – ваша крепость!
Любовь пусть отвергнет коварство, нелепость!
Не нам вас учить, ваше чувство со стажем:
Любовь вам совет и решенье подскажет.
В любви и согласии счастье и сила...
Храните любовь, как доныне хранили.

С повзрслением, внук...

С повзрслением, внук!
Вот и стал ты мужчиной.
Свое званье «супруг»
Подтверждай же отныне

И надежным плечом,
И заботливым словом,
А неправым делам —
Приговором суровым.

Пусть Наташа с тобой
Жизнь пройдет без кручины:
Лишь с любовью большой
Остаешься мужчиной.

Стань любимым отцом,
Как прилично мужчине,
Чтоб поздравить в лицо
С возмужанием сына,

Чтоб порою седую,
Собрав близких в круг,
Мог сказать (вслед за мною):

«С возмужанием, внук!»

Я не пишу стихов о доброте...

Я не пишу стихов о доброте,
И объяснение у меня простое:
Боюсь сказать не то, слова не те
Меж бесконечных дел и суетою.

Тем более стихи тут ни к чему...
Нужна ли доброте высокопарность?
Двусмысленности тягостны уму,
И сердцу тяжела лжесолидарность.

И слову доброму не нужен яркий свет,
Не нужно телерадиовещанье —
Довольно вызвать светлый взгляд в ответ,
Минуту благодарного молчанья.

Довольно, если слово принесет
Кому надежды луч, кому-то пламя.
Прекрасно, если слово прорастет
Бесхитростными добрыми делами...

Возможно, я сказал слова не те,
Но... сложно говорить о доброте.

Гимн России

(авторский вариант)

Под знаменем славным и гербом державным,
Под сенью великих российских имен
Мы все присягаем заветам их давним
И отдаем благодарный поклон.

Припев:

Гордым терпеньем, немymi страданьями
Ратною славой твоей путь осиян.
Славься, Отчизна, благими деяньями,
Счастьем и дружбою всех россиян!

Пусть будут твои рубежи нерушимы
И не напрасна пролитая кровь.
Пусть светят в сердцах наших неугасимо
Извечные вера, надежда, любовь...

Припев.

Пусть замыслы будут в сердцах благородны,
Достоинство в душах живет, а не страх,
И крепнет держава единством народным

В любых испытаниях земных и трудах.

Припев.

П Р О З А

Береза

Береза любила слушать поток. Он журчал нечто похожее на песни, беззаботно рассказывал небылицы и о чем-то шептал загадочно и с волнением. В ответ береза шелестела о своих заботах и неприятностях: у одиноких тоже бывают огорчения. Но поток заглушал вздохи листвы. Иногда отражение березы падало в воду, и она узнавала себя.

– Мы – родные души, – думалось белоствольной и верилось, что поток к ней стремится, размывая берег.

Весной она низко-низко наклонилась к воде и только теперь заметила, что поток пробегает мимо нее. Захотелось березе остановить его, задержать в своих объятиях.

До середины не дотянулась и тяжело опустилась в воду. Поток развернул ее, оборвал все, соединявшее дерево с прошлым и повлек за собой.

Береза медленно поплыла, захлебываясь от радости, цепляясь за окружающих, собирая вокруг себя грязь и пену и не замечая, что поток обгоняет ее и в любую минуту готов оставить.

Луна

Человек начинал свой путь в темноте. Любой огонек мог стать для него маяком, любая звездочка – целью жизни.

Луна осветила ему путь. Блистательная и таинственная, она не имела равных себе.

И достать ее можно было, поднявшись на ближайшую сопку.

Человек пошел за Луной. Ему встречались уютные огни лесных сторожек и городских квартир, сверкающие автостреды и зарева больших строек. Но его раздражали дым костров и пожарищ, суэта строек и быта. И стены домов заслоняли Луну, и дороги разбегались по своим делам.

А человек шел и шел к Луне. Иногда она оказывалась совсем рядом: балансировала на крыше, купалась у берега, заглядывала в окна. Но она же таяла на глазах, строила гримасы, пряталась за любым прохожим облаком, возникала у человека за спиной, могла не появляться совсем, а приходя, светила всем одинаково.

И оставалась по-прежнему далекой. Жизнь прошла в погоне за Луной. А она и светилом не была, могла быть разве что спутницей

Тополенок

Тополенок тянулся к солнцу. Больно хлестали его рвущиеся струны ливней, гнули ветры, топили в снегах метели. Осенью ветры разворывали листву, и тополенок месяцами стонал от зимней стужи. Весной он оживал и с каждым годом приближался к солнцу. Правда, оно оставалось еще очень далеким. И тополенок засомневался: тянулся на юг, где солнце сильнее грело, закидывал ветви на восток, пытаюсь изловить звезду на восходе, бросался в обратную сторону и расстилал ветви на западе, приглашая усталое светило на приготовленное ложе.

Через несколько лет на месте тополенька стояло разлапистое дерево. Ветры затихали в его кроне, дожди запутывались в листве, снега ложились лишь у его подножия. И само дерево никуда уже не стремилось, ни к чему не тянулось и теперь своей другим заслоняло свет. Оно слышало, что к солнцу дотянулись другие.

Листопад

Унылый дождь прекратился, и солнце щедро расцветило краски скверов и парков.

Капли дождя и слез падали с деревьев под тяжестью узнанного и разгаданного в морщинах и шепоте листвы. Листья, избавившись от грустных воспоминаний, облегченно расправляли крылья и, глядя на посвежевшие краски, готовились к новой жизни. Тем более, что порывы ветра куда-то звали, что-то обещали.

Поверив ветреным призывам, листья легко срывались с ветвей и устремлялись в неизведанность. Но груз прожитого не позволял им угнаться за ветрами, которые не отличались постоянством, меняли направления, исчезали. И листья, бесцельно покружившись, безмолвно устилали аллеи, тротуары и мостовые. При новых порывах ветра некоторые еще пытались взлететь, но тут же падали. Самые яркие, собравшись в букеты, попадали в тепло городских квартир. А основная масса в преддверии холодов оставалась на улицах. Их безжалостно топтали ноги, давили колеса, сгребали лопаты, куда-то увозили машины.

Раньше писали: «Осторожно, листопад!» Но это было когда-то...

Художник

Из трещин расколовшейся тверди сочилась огнедышащая магма, сжигая леса и дома, погребая дороги и нивы. Бессильные противостоять огню одни бежали, другие сгорали. А художник слышал в грохоте недр трубы небесные, возвещающие рождение нового мира, увидел в огнепепельном факеле над кратером зовущий маяк. И спешил запечатлеть неповторимость происходящего. Но краски переливались одна в другую стремительней, чем удавалось найти им соответствие в палитре и бросить на холст. А растущий конус все более заслонял горизонт, и все менее виделось сквозь дым и пепел.

Спасшиеся кричали и предупреждали мастера, давали советы, но заглушались взрывами в жерле вулкана. И горящие языки лавы давно отрезали художнику путь к спасению, окружив удушающими газами. Теряя силы, мастер стал бросать наработанные холсты ушедшим, но они вспыхивали над расплавом или подхваченные ветром, уносились в неизвестность. Со временем, возможно, что-то обнаружится в раскопах как малость того, что видел и хотел поведать очевидец извержения.

В музее

Боги в своей нетерпимости давно бы поубивали друг друга, но люди помешали: Воздвигли храмы, отдали лучшие дворцы земные. Явленные из камня, металла, радуги, помещенные в рамы, оклады и на пьедесталы, боги бездельничают и распутствуют, тревоугодничают и вершат неправые суды, требуя поклонения окружающих и веры в собственное бессмертие.

И женщины искренно дивятся мадоннам, будто сами не держали на руках и не кормили грудью детей; мужчины – чужим подвигам, будто нет в собственных мускулах силы, а рядом – прекрасных женщин.

Общими усилиями люди спасают богов от вандалов, согревают в холод, прячут от жары, извлекают из руин, восстанавливают их молодость и пьедесталы.

Обессиленные возрастом, сраженные недугами и бедами уходят люди из жизни, оставляя бессмертие своим кумирам.

Храм

Увенчанная куполами и крестами старого храма площадь вбирала в себя улицы города, суету его будней и многолюдье праздников.

Дворец культуры, построенный на площади, заслони́л храм, гостеприимно распахнул двери, осветил окна, обещая полностью занять досуг и души горожан. Улицы потянулись к дворцу, и окна окружающих домов рассматривали его с интересом и почтением, и люди привыкли к новым дорожкам возле него.

А храм ветшал, утрачивал убранство и иконы, серебро и золото окладов. Знатоки доказали, что никакой ценности он не представлял. Но, покидая площадь, быстро теряешь дворец из виду. А плывущие в облаках храмовые кресты долго смотрят вслед, благословляя уходящего.

Стекло

Стекло давало помещению солнечный и лунный свет, личную информацию, берегло тепло, на нем выводились морозные рисунки и заветные вензели. Оно избежало ударов судьбы, мячей, неосторожных жестов. Но с наступлением весны его сочли ненужным. Нашли, что оно пропускает не все лучи, мешает новым веяниям, при жизни в раме оказалось.

Пока выставляли раму, стекло разбилось.

– Видите, какое ненадежное! – сказали одни.

– Напрасно мы его так, – сокрушались другие..

– Кто же знал, что оно разобьется, – оправдывались третьи.

Но все знали, что стекло хрупкое.

Страница

Страница была интересной. Не один взгляд на ней задерживался. Не один вздох она породила. Не одна слеза была над ней пролита. Каждый находил в ней отзвук собственных мыслей и чаяний. Среда вот только ее затирала, переплет подавлял. Порываясь каждому пожаловаться на несправедливости, она вырвалась из книги и затерялась, ибо не могла ни постоять за себя, ни объяснить в себе многое.

И книга без нее не та. Самые близкие подруги не скажут того, что могла поведать пропавшая. Соседки уверять станут, что ничего особенного в ней не было. Но с этой страницей исчезло то, что ищут и не находят в других.

Запятая

Перо задумалось. Запятая спрыгнула на страницу и привычно изогнулась. При виде ее согбенной фигуры голос сочувственно понизился. Заминка была воспринята за глубину чувств и поставлена в заслугу запятой. Ее повысили: доверили большие паузы. Признательная запятая еще более скрючилась. На банкете в ее честь она лишь кивала и мало что слышала. Но ораторы не смущались и обходились восклицательными знаками.

На другой день запятая, привычно спрыгнув на страницу, попробовала распрямиться, чтобы придать себе значительность, и не смогла. Но паузу следовало продлить, и над запятой поставили точку. Теперь одну работу выполняют двое и постоянно ссорятся между собой, доказывая друг другу собственную значимость.

Пепельница

За рабочим ли столом, за праздничным ли – без пепельницы не обойтись. Звезд с неба она не хватает, но охотно помогает тем, кто стремится к ним.

Кто-то пообещал написать о ней рассказ, но то ли забыл, то ли не успел. И пепельница до сих пор ждет, чтоб на нее обратили внимание. Она рассказала бы миру о сгоревших и незажегшихся спичках, о сломанных сигаретах и папиросах, о преждевременно затушенных окурках, про пепел угасших страстей и развеянный дым стремлений.

Ваза

«Ваза тоже радуется!» – воскликнула хозяйка, поставив цветы в центре стола.

Действительно, букет и ваза прекрасно дополняли друг друга и весь вечер ловили на себе скрытные и откровенные восхищенные взгляды.

Через несколько дней букет заскучал и исчез, но ваза уже не могла жить без цветов, а они все реже навещали дом, и появлявшихся перехватывали другие вазы, более яркие и модные, и уже не ее, а их называли дорогими.

В своем затянувшемся одиночестве ваза винила непостоянство цветов и коварство подруг, легкомыслие мод и даже себя, хотя вины своей не видела. Она преувеличивала, конечно, рассказывая соперницам, что когда-то все цветы относились к ней с должным вниманием. Ее прежнюю единственность могла бы подтвердить хозяйка, но та не любила вспоминать былое. А намеки на то, что и она была когда-то дорогой, всерьез не принимались: считалось, что раньше все было дешевле.

Когда пришло увлечение старыми вещами, вазу осыпали цветами и называть драгоценной стали. Но годы не прошли бесследно: царапины превратились в морщины, те – в трещины, и ваза рассыпалась от неосторожности очередного букета, тут же переметнувшегося к другой. И только веник про-

ворчал что-то неразборчивое, да звякнуло в ответ недовольное ведро.

Портрет

– У нее каменное сердце, – говорили о красавице окружающие ее поклонники и отступались.

Но ее образ преследовал отступников. Кто-то пригласил ваятеля, и бюст неприступной дамы украсил дом заказчика. Его примеру последовали другие, и вскоре не осталось ни одного уважающего себя мужчины, у которого не было бы скульптурного портрета обожаемого идола. Правда, теперь каменным было не только сердце

Красавица возмущалась тем, что нарушены были ее единственность и неповторимость, но успокаивало то, что ее красота запечатлена для вечности. А владеющие ее портретом тщеславились суммами, затраченными на окаменевшую красоту.

Недовольство копилось только в душе и глазах ваятеля. И однажды он не сдержался.

– Напрасно рассчитываете на вечность, сударыня! – бросил он на одном из сеансов.. – Ваши каменные копии переживут вас, но и они неинтересны для потомков, потому что красота ваша ущербна, – в ней нет материнской любви.

– В таком случае вы – плохой ваятель, – возразила женщина и покинула мастерскую.

– Я не могу высечь в камне то, чего нет в оригинале, – вздохнул художник.

То ли она не все высказала мастеру, то ли решила отстаивать совершенство своего облика, но поостыв, вернулась, и спор продолжился.

Более поздние портреты обрели черты, которых не было в ранних работах скульптора. А через двадцать лет мастер сказал жене, указывая на дочерей:

– Вот теперь ты и твоя красота обрели бессмертие.

ЗАБЫТЫЙ МИФ

ПЬЕСА

Действующие лица:

Олимпийские боги

Зевс и Гера

Гермес и Дионис

Аполлон и Афродита

Афина и Арес

Гефест и Асклепий

Аид и Персефона

Прометей, титан

Хозяин таверны

Девушка, его дочь

Завсегдатаи таверны, они же – жрецы, пряжи, ветры.

Место действия – Олимп, таверна, подземное царство

Время действия – до новой эры.

Картина I

*В е т р ы. Это было давно. Даты точные
стерты.*

Камни водами сточены до гольшией.

Документы – легенды. Свидетели мертвы.

Сохранились лишь нравы богов и людей.

*Таверна на берегу моря. Завсегдатаи пьют, едят, поют
и пляшут, спят на скамьях, за столами и под столами. Хо-
озяин – у стойки бара. Девушка – официанткой.*

Д е в у ш к а (напевает) Ноги так и просятся мчаться от по-
рога,

Мысли где-то носятся, но не о делах...

А на небе просекой – к жениху иль к богу? —

Радуга-полосица пролегла...

Х о з я и н (поет) Серебро в небе звездном, жемчуга в море
грозном —

Я намерен серьезно собрать все в карман.

Только небо высоко, только море глубоко,

И нет в этом проку ни мне, ни богам.

Я бы им половину и себе половину,

Я бы лучшие вина поставлял на Олимп!

Серебро в небе звездном, жемчуга в море грозном.

Я с задумкой серьезной и с карманом пустым...

*В таверну входят и садятся за стол Зевс и Гермес
(в одежде странников).*

Г е р м е с (Хозяину). Неси подкрепиться... и по традиции,
Дай освежиться хорошим вином.

З е в с. Мы медлить не будем – отправимся к людям:
Опросим, обсудим... потом отдохнем.
Давай-ка маршруты!

Г е р м е с. Отправимся утром:
На спусках беспутных тропы не найдешь...

З е в с. Опять проволочка?!

Г е р м е с. Кто ж шествует ночью?
Повыколешь очи иль шею свернешь.

З е в с. Весьма убедительно. Но подозрительно:
Идти не хотите на свой судный день?

Г е р м е с. Тебе подавались отчеты, анализ...

З е в с. Молчи! Я дознаюсь о всем у людей!

Девушка приносит заказ.

Г е р м е с. О, боже державный, поужинай. Главное:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.